

А. С. Коган, преп.,
Донецкий университет

**Тютчев и Щербина:
мотивы античности**

Вопрос о связи творчества Тютчева и Щербины в советском литературоведении еще не разрабатывался. В статье намечены некоторые аспекты решения данной проблемы.

Тютчев часто обращался к наследию других поэтов. Он много и плодотворно переводил: в круг его поэтических интересов вошли Гете, Шиллер, Ленау, Гюго, Ламартин, Байрон, Мандзони, Цедлиц, Гердер, Уланд. В тютчевских переводах впервые на русском языке зазвучали стихи Гете. Однако исследователями установлено, что поэт всегда выбирал лишь те произведения, в которых находил отзвуки своих мыслей. Поэтому в большинстве случаев его переводы являлись вольными и отражали специфику лирического мира самого переводчика. Обращался Тютчев и к творчеству своих соотечественников. Он посвящал произведения тем, кто был для него непревзойденным авторитетом («Памяти В. А. Жуковского», «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского»):

Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!... [5, т. 1, с. 185].

Поэт сочинял стихотворные послания к друзьям, творчество которых не оставляло его равнодушным. Так, А. Фету, считавшему, кстати, Тютчева «одним из величайших лириков, существовавших на земле» [5, т. 1, с. 418], адресовано стихотворение «Иным достался от природы...».

4 февраля 1857 г. Тютчев создает посвящение «Н. Ф. Щербине», в том же году оно было напечатано в «Русском вестнике». Что же явилось поводом для написания глубоко сочувственного стихотворения? Что могло привлечь Тютчева в творчестве современника, личные отношения с которым не всегда складывались безоблачно?

В это время Щербина был уже известным поэтом. Некрасовский «Современник» весьма положительно оценил первый сборник его антологических произведений. Критик А. В. Дружинин писал: «Мы смело причисляем Щербину к числу замечательных русских поэтов и даем ему одно из первых мест между теми из них, которые еще пишут в наше время» [2, с. 26].

Прежде всего, как нам кажется, обоих поэтов роднит трагическое восприятие и неприятие современности, по-разному выразившееся в их творчестве. Щербина критически оценивает свой век через призму античности. Античность для него — олицетворение вечной, нетленной красоты, гармонии: «Едва дыша, взираю на черты // Возвышенной античной красоты...» [7, с. 90]. В ней поэт нашел свой романтический идеал.

Творческой установке Щербины способствовало и привлечение формы антологического жанра. Однако ее использование не означало уход от действительности. Поэт писал А. Н. Майкову: «...мотив каждой моей пьесы всегда современно-исторический, навеянный современною действительностью» [7, с. 534]. Еще ранее в «Отечественных записках» сам Майков в статье «Греческие стихотворения Н. Щербины» отмечал: «Прочтя это и другие стихотворения г. Щербины, всякий скажет, что они рисуют древний мир, веют атмосферой древней безоблачной Греции. Это, конечно, справедливо: но просим, вслед за тем, сличить эти стихотворения с самими цветами древней поэзии в этом роде — и вы увидите, что, кроме формы и обстановки, общего ничего нет» [7, с. 529].

Мы не можем согласиться с исследователем И. Гликманом, утверждающим, что «лирический герой антологических стихотворений Щербины, как правило, лишен «раздвоенности» людей сороковых годов... Ему свойственны цельность, непосредственность, избыток сил» [7, с. 14—15]. Цельность для героя лирики Щербины не характерна вовсе. Это пронизательно подмечает Тютчев. Определяя в нескольких стихотворных строках доминанту творчества Щербины, поэт использует лексику, далеко не нейтральную. Для того, кто хорошо знаком с лирикой Тютчева, не останутся вне внимания такие словосочетания, как «болезненная мечта» (ср. «Твой день — болезненный и страстный...» [5, т. 1, с. 163]; «Души болящей исцеленье...» [5, т. 1, с. 98]), «тревожное служенье» (ср. «Гляжу тревожными глазами...» [5, т. 1, с. 157]; «О, как их блеск меня тревожит!» [5, т. 1, с. 193]). «Боль», «тревога», «борьба», «страсть» — эти слова обладают наиболее высокой частотностью в поэтическом мире Тютчева и определяют необычный трагизм отношений, складывающихся как между человеком и природой, так и между самими людьми.

Тютчев обнаруживает главный узел противоречий, лежащих в основе поэтического мировидения Щербины: трагический конфликт между жестокой, убивающей в человеке все живое действительностью («вьюгой») и стремлением к воплощению в реальности «болезненной мечты» о возрождении гармонии. Это постоянно проявляющееся в лирике Щербины противопоставление идеала и реальности и явилось истоком тютчевского сравнения мечты поэта с несбыточным видением узника, который

Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговую,

Свободой бредил золотую
И небом Греции своей [5, т. 1, с. 168].

Греческий мир Щербины пронизывают современные мотивы. Почти в каждой пьесе — внутренняя борьба, утрата прекрасных мгновений юности, невоплотившиеся стремления. Боренья вторгаются и в область идиллической любви («Сапфо»):

А теперь я песнь иную
Одинокая, пою,
Песню грустную такую,
Что я плачу и тоскую
В ночь бессонную мою [7, с. 68].

Но даже тогда, когда в самом произведении отсутствуют трагические раздвоения XIX века, противопоставление подразумевается, оно «запрограммировано» автором и осознается читателем, живущим в мире, лишенном романтических иллюзий, мире-антипode, изнутри разрываемом кричащими антиномиями. Показательно в этом смысле стихотворение «Ирония в искусстве» [7, с. 115]. Поэт вводит читателя в мастерскую ваятеля, посвящая его в тайны творчества. И оказывается, что создавая «спокойное творенье», сам художник «недовольствия мукой томим».

И такой полнотою блаженства,
И отрадной такой тишиной,
Углубляясь в его совершенства,
Проникается смертный порой...

Троеточие отделяет первую строфу от второй. Мысль словно закончена в мажорном тоне. Однако во второй строфе мир тишины, блаженства разрушается. Восьмистишие начинается с противительного союза. И оказывается, что спокойствие, воплощенное в произведении искусства, лишь мнимое, «покров златотканый» (Тютчев), так как в «часы просветленья» зрителю дано узнать, что

...в спокойном твореньи певца
Затаились все оскорбленья
И все боли и вопли отца,
И сказался в нем, будто ошибкой,
Безобразию жизни упрек,
И с таинственно-горькой улыбкой
В нем художник сокрыться не мог.

Теперь то, что раньше вызывало лишь покорное преклонение («Стою, как раб, пред дивным изваяньем...» [7, с. 91], воспринимается в сопоставлении с действительностью:

Мне казалось, с насмешкой упрека
Изваянья следили за мной,
И над нашей долей жестоко
Издавались они меж собой.

Мир гармонии, красоты «радужных снов» разрушен. Изменяется оценочная позиция. Если сначала красота оценивается лирическим героем, то в конце стихотворения лирический герой и мир, в котором он живет, критически оцениваются с позиции античности. Сознание автора настолько пронизано современными антиномиями, что он видит противоречия и в

мире идеальном. Поэтому столь многопланова «ирония в искусстве»: «радостные сны» прерваны «грустью впечатленья» о том, что и совершенство несовершенно, не лишено язв и боли. В то же время мир мнимого совершенства жестоко издевается над «нашею долей», для которой характерны большие противоречия.

Таким образом, даже тогда, когда художник создает античные грации, в них не могут не отразиться антагонизмы современной эпохи. Его искусство обязательно запечатлит болезненную мечту автора о лучшей жизни:

И художник, в печали своей,
Когда сердцем болящим страдал
Над нестройною жизнью людей,
Твой чарующий лик изваял,
И он верил: придут времена —
Все, что в духе бесплотно живет,
Будто грезы роскошного сна,
В повседневную жизнь перейдет...
Да над этою мыслью его
Замолчит и прервется мой стих:
Это свет бытия моего,
Это перлы желаний моих! [7, с. 125].

Эти строки могут служить эпиграфом ко всему творчеству Щербины.

Внутренняя противоречивость Щербины не могла не привлечь внимания такого чуткого поэта, как Тютчев, всегда болезненно и остро воспринимавшего жизнь «среди бурь гражданских и тревоги» [5, т. 1, с. 36]. К. В. Пигарев отмечал: «Действительность, окружавшая поэта, воспринималась им в непрестанном противоборстве враждующих сил, и это представление о ней переносилось на весь существующий миропорядок. Полный гармонии и света, внешний мир — это, в глазах Тютчева, лишь «покров золототканый», накинутый над «безымянной бездной». На дне ее таится «древний хаос», который не уничтожен, не усмирен, а только скован «высокой волею богов». Это он стремится вырваться наружу — в бурях гражданских, в безумных сетованиях ночного ветра и мятежном жаре человеческих страстей» [5, т. 1, с. 283—284].

Если противоречия в лирическом мире Щербины могут быть гармонически разрешимы (во всяком случае, он нацеливает свой стих на достижение тех времен, когда «Все, что в духе бесплотно живет... // В повседневную жизнь перейдет!»), то для Тютчева жизненные катаклизмы вечны и неизбежны. Трагический нерв его лирики — противоречие между тленностью человеческой жизни и вечностью бытия мирового. Но даже тютчевский пантеизм не способен разрешить эту коренную антиномию. С одной стороны, поэт провозглашает необходимость для человека слияния с природой, отказа от своей неповторимости («призрачной свободы»), которая и есть причина мирового разлада:

Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай! [5, т. 1, с. 75].

С другой же, — боязнь этого обезличивания, растворения в природном беспамятстве, ведь «Природа знать не знает о былом» [5, т. 1, с. 225], и, «...может статься, никакой от века // Загадки нет и не было у ней» [5, т. 1, с. 220].

Тютчевский мир находится в постоянном развитии. «Вечный прибой и отбой» мысли поэта направлены на коренные вопросы бытия. Все в этом мире проблематично, все подвержено сомнению. «Безверием палим и иссушен», герой тютчевской лирики «жаждет веры», но обрести ее не может. Изменчивость окружающего бытия, утраты, постоянно сопровождающие жизнь поэта, крушение надежд и идеалов рассеивают всяческие иллюзии на какое-либо постоянство и возможность достижения человеком того «невозмутимого строя», «созвучья полного», которые есть в природе.

То, что еще недавно было аксиоматично, на поверку оказывается миражем, бредом безумия. От утверждения ценности воспоминания, стремления оживить, восстановить в памяти унесенную временем «частичку бытия» («Я помню время золотое...») поэт приходит к полному отрицанию реальности прошлого. Но иллюзорным оказывается и будущее:

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?...
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год [5, т. 1, с. 70].

Рушатся временные рамки. Год, день, век человеческой жизни приравнены мгновению: «хоть день один, хоть век». Сомнению подвергаются не только пантеистические верования, но даже христианские догматы о загробной жизни человеческой души: «Ангел мой, где б души ни витали, // Ангел мой, ты видишь ли меня?» [5, т. 1, с. 203].

В своей лирике Тютчев тоже обращается к античности, древности. Но «по количеству античных мотивов Тютчев далеко уступает своим старшим и младшим современникам: ему одинаково чужды и мир условной античности Батюшкова, и насыщенность античными реминисценциями, свойственная некоторым стихотворениям Пушкина, и обилие антологических мотивов, характерное для Майкова и Щербины», — отмечает Л. А. Фрейберг [6, с. 445]. Чем дальше, по Тютчеву, человек от современной цивилизации, тем он ближе к природе:

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков!...
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков [5, т. 2, с. 30].

Близким природе является мир античности («Кончен пир, умолкли хоры...»), древний мир, где царила утраченная ныне гармония:

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,

Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;
Месяц слушал, волны пели... [5, т. 1, с. 68].

Близка природе и юность, которую еще не отрезвил человеческий опыт, над ней «еще безоблачна лазурь» и не известны ей ни «взрыв страстей», ни «страсти слезы» («Играй, покуда над тобою...»).

Анализируя двучастность композиции стихотворения «Кончен пир, умолкли хоры...», исследователь Л. М. Биншток приходит к верному, на наш взгляд, выводу о том, что мир античности, запечатленный в первой строфе — «мир нормы, идеала, осуществленного на земле... Человек — центр этого мира... Это прекрасный, идеальный, но ушедший мир» [1, с. 89—90]. И противопоставлен он миру разорванному, глубоко антитетичному — миру современности.

Щербине, как и Тютчеву, остро присуще чувство времени. Его герои трагически ощущают «Незримо летящее время // И каждый считаемый миг» [7, с. 89]. Наступающий день несет им новые прозрения и разочарования, заставляет задуматься над неумолимым движением к закату:

О, мой друг! Так любовь угасает,
Мимолетная юности дочь,
Как пред нами теперь отлетает
Эта ночь, невозвратная ночь! [7, с. 69].

В лирической системе обоих поэтов открыта трагическая истина — человеческая жизнь на фоне внеисторического времени природы мгновенна:

Тютчев: Бесследно все — и так легко не быть!... [5, т. 1, с. 224];

Щербина: Меня мыслью смущает ужасной
Преходимость всего под луной, —
Что природа скелет безобразный
Облекает на миг красотой... [7, с. 111].

Именно поэтому они всячески стараются удержать миг блаженства, остановить неумолимый ход времени. Тютчев: «Помедли, помедли, вечерний день, // Продлись, продлись, очарованье» [5, т. 1, с. 156]. Мольбой о продлении счастливых мгновений лета пронизаны строки «Осенней элегии» Щербины.

И Тютчеву, и Щербине, несмотря на «холод китайских волнений» [7, с. 21], «страдальческий застой» [5, т. 1, с. 197], присуще ощущение чудесных мгновений, в которых воплощена «самозабвенная земного благодать» [5, т. 1, с. 160]. Тогда в душе утихают страсти роковые, наступает умиротворение. Возникает стремление разрушить рамки мгновения, воплотиться в нем навечно, растянуть его до бесконечности. Отсюда и глубоко личное, чисто человеческое восклицание: «О время, погоди!» [5, т. 1, с. 160].

Минуты, исполненные до краев жизни наслаждения, вдохновения («В них бытия моего и конец и начало!» [7, с. 113], присущи и лирическому герою Щербины. Эти мгновения возникают при созерцании красоты и ощущении гармонии, упоении счастьем созерцания возлюбленной [«Стыдливость», «Же-

данье», «Венки»], торжеством весны. Это может быть и миг воплощения щербинского пантеизма, когда человеческая душа становится сопричастной природе, когда

Небо с землей и с душой человека дышало одною
Сладкой гармонией, будто бы звучною грудью одною... [7, с. 94].

Однако невозможность ухода от жестокой действительности ясно осознана героем лирики Щербины. Остается лишь мольба о невозможном, лишь беспомощный жест: «Не прерывай его: я так блаженна!...» [7, с. 102].

Боль, вечная жажда по пережитым и необратимым мгновениям былого — постоянные мотивы лирики Тютчева. Поэт понимал обреченность «минутного торжества», мнимость «радужных видений», к которым рвется душа, отталкивая «все удушливо земное». «Душа моя — Элизиум, // Что общего меж жизнью и тобою!» — восклицает Тютчев [5, т. 1, с. 66]. «Меж людьми и душою моею // Будто общего нет ничего...» — вторит ему Щербина [7, с. 111].

Как видим, поэтические мировоззрения Тютчева и Щербины роднят сходные черты. Однако не вызывает сомнения, что это таланты разной величины. Для поэтической системы Тютчева характерна большая цельность и сконцентрированность. Лирический мир Щербины — более калейдоскопичен. Чрезмерное увлечение поэта античными мотивами и культивирование красоты в отнюдь не гармонический век не могло не раздражать современников. Это дало повод для появления едких эпиграмм Козьмы Пруtkова. Кроме того, многие произведения Щербины носят чисто декларативный характер. Существенные различия охватывают ряд разрабатываемых обоими поэтами тем. Рассмотрим лишь один пример.

В основе поэтического мира Щербины — гармония, красота, ассоциируемая им с понятием «стройность». Приметен здесь даже подбор эпиграфов (напр., из платоновского «Протагора»: «Вся жизнь человеческая имеет нужду в ритме и гармонии» [7, с. 147]). Хаос — один из краеугольных образов древнегреческой мифологии — в своем исходном значении Щербине вообще не свойствен. В его поэзии «хаос» встречается лишь как синоним житейских неурядиц. Причем, он не извечен и преодолим:

Хаос жизни нашей
В стройность разовьется... [7, с. 202].

Тютчевский хаос лежит в основе всех жизненных явлений. Точно, на наш взгляд, подметил В. Ф. Саводник, что не аполоновская, а именно дионисийская струя, «бьющая темной и кипучей волной из самых недр души поэта, полная мистических прозрений и холодного ужаса» [4, с. 68], составляет одну из самых существенных черт тютчевской неповторимости. Диалектичнейший из поэтов, Тютчев выводит хаос за рамки неустроенной дневной жизни человечества, внедряя его в сердцевину ночной жизни, тех роковых минут, когда человеку суждено услышать «страшные» песни «про древний хаос, про

родимый» («О чем ты воешь, ветер ночной?...»), ощутить родство своей души хаосу мировому.

В поэтическом решении темы хаоса Щербина остается в рамках сложившейся уже в 20—30-е годы русской романтической традиции. «Задумчивая ночь» сменяет «мятежный день» в стихотворении П. А. Плетнева («Ночь»). Душа поэта погружается в блаженство, приобщается к мировой гармонии:

С какую жаждою, насытив ими очи,
Вливаю в душу я покой священной ночи!
Весь мир души моей, создание мечты,
Исполнен в этот миг небесной красоты...
[3, т. 1, с. 345—346].

Ночь — целительна для души лирического героя стихотворения В. Н. Григорьева («К ночи»). В нем звучит призыв «тоски забвеньем» излечить душу от дневной тревоги [3, т. 1, с. 381].

Наступление ночи в стихотворении М. Д. Деларю («Ночь») влечет за собой открытие плавной гармонии, в которой внемлют друг другу в «лоне темноты» горящие, как «очи божества», звезды, «мгла ночная», «сонм ночных духов», «злаки томные», «нива золотая»: «И я гляжу — и сладко мне» [3, т. 1, с. 510].

Лишена «стихийных споров» и ночь С. П. Шевырева:

Как ночь прекрасна и чиста,
Как чувства тихи, светлы, ясны!
Их не коснется суета,
Ни пламень неги сладострастный! [3, т. 2, с. 165].

Ночь у Щербины открывает царящую в природе гармонию:

Неувядающий лик красоты —
Мир и его совершенства... [7, с. 197].

Человек проникается глубоким, еще не до конца ему понятным мирным единением с природой:

Что ж родного, скажи мне, сокрыто
В этой ночи и в звуках с тобою,
И какая струна у них слита
С моим сердцем. с моею судьбою?... [7, с. 140].

Но есть у Щербины ночь, когда человек чувствует себя окруженным «тайными наваждениями» и «незримыми врагами». И если Тютчев призывает лечить «дневные раны сном» [5, т. 1, с. 126], то Щербина раны, нанесенные душе ночными кошмарами, исцеляет солнечными лучами «благодатного утра»:

И, облитые лучами,
Позабывши мрак и тень
С их боязнью и мечтами,
Мы прозревшими очами
Вожделенный встретим день... [7, с. 166].

Тютчевский хаос пронизывает и ночь, и день. Пульсирующая мысль поэта ни на минуту не находит себе успокоения. «Отраднo спать, отрадней камнем быть» [5, т. 1, с. 164]. Но ведь и ночь «нам страшна» [5, т. 1, с. 98]. И лирический герой стихотворения «Как птичка, раннею зарей...», очнувшись ото сна, не ощущает столь необходимого внутреннего покоя и облегчения:

Хоть свежесть утрення вее
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!... [5, т. 1, с. 65].

Различие творческих почерков прослеживается и в пантеистическом мировоззрении поэтов. Лишь тютчевская лирика провозгласила необходимость полного слияния с природой, когда «все во мне, и я во всем» [5, т. 1, с. 75]. Пантеизм Щербины тоже предполагает растворение, но его лирический герой и природа остаются существовать несколько обособленно, любясь красотой и чувствами друг друга.

В заключение нам хотелось бы возразить исследователю Л. А. Фрейбергу, который в работе «Тютчев и античность» следующим образом трактует причины обращения Тютчева к творчеству Щербины: «Обладая живым чувством античности, Тютчев не мог примириться с иным ее восприятием у некоторых своих современников. В 1867 г. была написана в этом плане поэтическая отповедь Н. Ф. Щербине, чья слащавая античность в представлении Тютчева была лишь «болезненной мечтой», понятной только в отторгнутом от свободы и родины человеку» [6, с. 456].

Несмотря на всю разницу творческих установок, едва ли мы вправе называть глубоко сочувственное тютчевское послание «отповедью». Не случайно же поэт говорит о «болезненной мечте», значение которой ему не чуждо, а «вполне понятно». На наш взгляд, здесь нет обвинения. Не таков был Тютчев, чтобы холодный мрамор античности скрыл от него «страсти роковые», которые волнуют еще одну «страдальческую грудь», еще одну «душу живую».

1. *Биншток Л. М.* Субъектная структура стихотворения Тютчева «Кончен пир, умолкли хоры...» // Лирическое стихотворение. Анализ и разборы. Л., 1974. 2. *Дружинин А. В.* Собрание сочинений. СПб., 1985. Т. 7. 3. Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. М., 1972. 4. *Саводник В. Ф.* Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева // Тютчев: Сб. статей. СПб., 1922. 5. *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. М., 1966. 6. *Фрейберг Л. А.* Тютчев и античность // Античность и современность. М., 1972. 7. *Щербина Н. Ф.* Избр. произведения. Л., 1970.

Статья поступила в редколлегию 24.01.88.

Л. М. Борисова, доц.,
Симферопольский университет

Дионисийское и аполлоническое в драматургии И. Анненского («Фамира-кифарэд»)

Рубеж XIX—XX вв. — особый период в развитии драматургии, время напряженных художественных исканий и не менее напряженных теоретических дискуссий. Серьезные изменения, получившие статус «новой драмы», происходят в эту пору и в